

ГЛАВА 14. ПРИДИ КО МНЕ, ПОЗВОЛЬ МНЕ ВОПЛОТИТЬ ТЕБЯ

Когда мечта в разы превосходит твои истинные силы, тогда...

Гу Фэй когда-то доверил свое заветное желание Фонарю желаний. Магия артефакта помогла ему войти в десятку сильнейших бойцов острова Айлань, но триумф длился недолго. Не прошло и двух месяцев, как его сбросили с пьедестала, раздавив амбиции в прах.

— Мальчишка, ты... ни-ка-кой... — противник, лоснящийся и заплывший жиром, пугал нелепым, жутковатым татуированным гримом клоуна. Огромный рот, очерченный краской, застыл в вечном оскале, а за прищуренными веками прятались глаза, извергающие ядовитую злобу.

Гу Фэй лежал в дорожной пыли, избитый до полусмерти. Он не мог пошевелиться. Тяжелый, провонявший нечистотами сапог с силой придавил его голову к земле. Клоун наклонился, приблизив свое размалеванное лицо к юноше, и пробасил с напускной игривостью:

— Ой... А ты, я смотрю, еще не растерял бодрости духа? Ну что, продолжим игру?

Кровь, заливавшая лоб, затекла Гу Фэю в глаза. В ушах стоял невыносимый гул, превращающий чужие слова в бессмыслицу. Он раз за разом пытался подняться, но мышцы ослабли. Клоун, словно тряпичную куклу, схватил его за горло и вздернул в воздух одной рукой.

В это же время в доме Гу Фэя, находившемся неподалеку от арены, Цзян Жуцзин внезапно вздрогнул и открыл глаза.

— М-м? — Он распахнул глаза, вслушиваясь в собственные ощущения. — Кто-то, связанный со мной? Се... Ли Ле? Тот старый знакомый, чье имя стерлось из памяти? Или Гу Фэй... неужели он?

Жуцзин вскочил, набросил на плечи верхнюю одежду и поспешил к арене.

Он передал Гу Фэю частицу знаний о Дао. И хотя они не скрепляли свои отношения официальными клятвами наставника и ученика, по законам мироздания Гу Фэй уже считался его преемником. Между ними протянулась тонкая, едва различимая нить кармы. Идя по Пути чувств, Цзян Жуцзин научился ощущать веяния чужих эмоций и улавливать едва заметные колебания судьбы — предчувствия часто вспыхивали в его сознании, как мимолетные блики на воде. Раньше он не понимал их природы, но со временем научился распознавать эти знаки, помогающие избегать беды.

Прямо во время медитации на сердце навалилась тяжелая, душная тревога, лишая разум ясности. Значит, либо опасность грозит ему самому, либо кто-то из близких попал в беду. Цзян

Жуцзин не привык игнорировать подобные сигналы — он предпочитал проверить всё лично.

Раны его еще не затянулись, и великие техники были недоступны, но, к счастью, дом стоял совсем рядом с боевой ареной. Направив остатки своей скудной истинной юань в ноги, он за несколько стремительных прыжков добрался до ворот.

Увидев то, что происходило на платформе, Жуцзин почувствовал, как внутри закипает неистовая ярость.

На широком помосте этот уродливый жирный боров развлекался вовсю: он задирает голову, дожидаясь, пока подброшенное тело начнет падать, а затем с силой бьет по нему ногой, отправляя «снаряд» обратно в небо. И так раз за разом.

В тот момент, когда клоун-переросток уже приготовился к очередному удару, он вдруг удивленно хмыкнул.

Опустив ногу, он огляделся и посмотрел куда-то справа позади себя.

Там, опустившись на одно колено, сидел бледный, хрупкий на вид юноша. Он бережно прижимал к себе того, кого клоун только что использовал вместо мяча, и осторожно стирал рукавом кровь с обезображенного лица.

— О-о... Как интересно! Как весело! — Клоун зашелся в противном хихиканье. — Хочешь поиграть с моими игрушками вместе со мной?

Гу Фэй был без сознания. Лицо его отливало мертвенной желтизной, а изо рта толчками выходила кровь. Цзян Жуцзин, едва поймав его, быстро нажал на несколько точек на теле, останавливая наружное кровотечение, и поспешно вложил в рот ученика Пилюлю плоти и костей. Снадобье мгновенно растаяло, растекаясь по жилам и внутренним органам, принимаясь за кропотливое восстановление истерзанной плоти.

Видя, что его игнорируют, толстяк недовольно надул губы:

— Эта игрушка сломалась... Ты ее у меня украл! Ну ничего, ты станешь моей новой куклой. Давай устроим представление!

При упоминании шоу он впал в экстаз. Он растягивал слова, выпучивал глаза так, словно они вот-вот выскочат из орбит, а его лоснящиеся от пота щеки мелко тряслись, мерцая в свете ламп.

Цзян Жуцзин резко вскинул голову:

— Если не умеешь говорить по-человечески — завали пасть.

— А-а? — Клоун опешил.

— Шоу? Какое еще шоу, кусок дерьма? — Жуцзин посмотрел с опасным огнем в глазах. — Возомнил себя творцом? Великим артистом? Найди зеркало и посмотри на свою рожу. Ты не актер, ты — ходячий анекдот.

Вокруг Цзян Жуцзина начал закручиваться бесшумный вихрь, поднимая с земли пыль и песок.

— Ты... ты... — лицо клоуна исказилось в неистовой гримасе, жир на шее пошел складками. — Ты смеешь осквернять мое искусство?!

— Ха. — Жуцзин ослабился. — Такое бездарное зрелище только для того и создано, чтобы его осквернять.

— Непростительно! Я сделаю из тебя чучело! — Взревев, толстяк швырнул на землю три марионетки. Стоило им коснуться пола, как они мгновенно выросли до трех метров в высоту. Огромные клоуны закачались в пыльном вихре, нелепо дергаясь, словно в дурном танце.

— Ой, боюсь-боюсь! Куклы у тебя такое же дерьмо, как и ты сам. Идеальная пара! — Жуцзин ловким движением приклеил талисман ко лбу Гу Фэя, создавая вокруг них защитный барьер.

Когда он снова посмотрел на противника, его глаза налились багрянцем.

— Поднял руку на моего ученика... Тварь, я тебе все кости в порошок сотру.

Пока жирный урод, визжа о мести, гнал своих марионеток в атаку, хрупкий юноша выхватил из кармана желтую полоску бумаги. Зажав ее между указательным и средним пальцами, он воздел руку к небесам.

— Талисман привлечения духа — Девять пиков и восемнадцать вершин, явись любой!

ГРЯНУЛО...

— И-и-и! — Ли Ле от внезапного мощного толчка подскочил на кровати, как ошпаренный. — Землетрясение! Спасайтесь, кто может! Маленького новичка сейчас придавит!

Он одним махом слетел с постели, нахлобучил на ходу свою синюю кепку и, забыв даже Нож

мясника, пулей вылетел из комнаты.

Хуа Тинфан, наблюдая за этим безумием, лениво поймал его за шиворот.

— Можешь не дергаться. Это мой Талисман привлечения духа.

Тинфан мысленно вздохнул, в очередной раз поражаясь способности своего напарника устраивать драму из ничего.

— А. — Ли Ле, услышав это, тут же поправил козырек и с невозмутимым видом зашагал обратно в комнату, будто и не он только что метался в панике.

Хуа Тинфан посмотрел ему в спину и между делом заметил:

— Слышал, Гэсан мертв.

— Знаю, — Ли Ле обернулся. Его лицо в один миг утратило напускную простоту, а взгляд стал пугающе ясным. — Это я его прирезал. Ты же сам меня просил, разве нет?

Хуа Тинфан криво усмехнулся:

— Какой ты, оказывается, послушный.

— Хе-хе. — Ли Ле потер нос, снова принимая вид добродушного простака. — Этот ублюдок убил жену и ребенка. Я, Ли Сяобао, просто избавил мир от нечисти. Долг гражданина, понимаешь ли.

— Герой, не иначе, — саркастично бросил Тинфан.

Ли Ле, сообразив, что собеседник пребывает в скверном расположении духа, улыбнулся еще шире:

— Нужно же иногда делать добрые дела. Ради кармы.

Хуа Тинфан перестал улыбаться. Его голос зазвучал серьезно:

— Послушай, Лао Ли. Я просил тебя избавить мир от него, а не превращать его в фарш. Это было... излишне жестоко.

Ли Ле издал короткое «а?» и посмотрел на друга странным, застывшим взглядом.

— Ты не знаешь?

— Чего я не знаю? — нахмурился Тинфан.

— Ты не проверял детали?

— Какие детали?

Ли Ле медленно моргнул.

— Этот Гэсан... он засунул тела своего тестя и беременной жены в промышленную бетономешалку.

Хуа Тинфан осекся. На мгновение в комнате повисла тяжелая тишина. Лицо Ли Ле стало каменным, а его взгляд стал пустым и бездонным, словно два омута.

— За осквернение мертвых... ты должен сказать, что я всё сделал правильно.

—...

— Ну же. Скажи, что я молодец.

—... Проваливай.

Гу Фэй пришел в себя только вечером третьего дня. Багряное закатное солнце медленно опускалось за горизонт, и его расплавленное золото, просачиваясь сквозь стекло, падало на лицо юноши.

— Я... жив? — Он открыл глаза, разум еще блуждал в тумане.

— Хе-хе, — раздался холодный смешок. Над ним склонился Цзян Жуцзин и отвесил две звонкие пощечины. — Очнулся?

Гу Фэй резко вытаращился:

— Цзян Жуцзин?!

Тот лучезарно улыбнулся и с молниеносной скоростью добавил еще пару оплеух:

— Я твой дедушка. Теперь-то голова прояснилась?

— Мне приснился сон, — прошептал Гу Фэй, потирая горящие щеки. Его голос звучал отрешенно.

— М-м?

— Мне снилось, как на меня рушится огромная гора.

— Да, жаль, что она тебя не раздавила.

— А того жирного клоуна размазало в лепешку.

— И снова верно. Жаль, что ты уцелел!

— Жуцзин... я ведь никчемен, да?

— Я-то думал, ты давно это усвоил, — пожал плечами Цзян.

— Тот, кого я не мог даже поцарапать... ты прихлопнул его одним щелчком. — Гу Фэй остекленел.

— Я же говорил: я непобедим.

Юноша помолчал, а затем тихо добавил:

— А еще мне снилась девушка.

— О! Нин Лань?

— Нет. На ней были странные синие одежды. Очень красивая...

— Все девушки в мире красавицы.

— У нее за спиной был меч. В волосах — украшение из фиолетового шелка, похожее на веер. А в руках она держала фонарь...

Цзян Жуцзин застыл. Гу Фэй продолжал, словно в трансе:

— Она всё время говорила. Обращалась ко мне. Очень тихо и быстро... я не мог разобрать слов, но мне было так спокойно. Так легко на сердце...

Жуцзин, не веря своим ушам, достал Фонарь желаний.

— Этот фонарь?

— А... — Оцепенение Гу Фэя мгновенно спало. — Я вспомнил. Вспомнил, что она сказала.

«Приди ко мне, позволь мне воплотить тебя».

Лицо Цзян Жуцзина исказилось от боли. В этот миг он почувствовал, как кто-то тянет его за рукав.

Перед глазами всплыл образ из прошлого. Тот самый черный, холодный грот. Умиравшая женщина, чье лицо было белым, как мел. Она говорила долго, из последних сил, с трудом выталкивая слова, а в самом конце притянула его к себе и прошептала:

«Младший брат... отдай мне Фонарь желаний. Пожалуйста...»

— Цзян... отдай мне фонарь. Прошу тебя...

<http://bllate.org/book/17530/1702390>